

ПОЛИТЭКОНОМИЯ
В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ СЛОВА:
ВКЛАД А. БОГДАНОВА И И. СТЕПАНОВА

**Формационный,
но не униформистский подход**

В. Ульянов-Ленин (Вл. Ильин) в рецензии высоко оценил «Краткий курс экономической науки» А. Богданова за последовательное проведение *исторического материализма*, причем отказался от намерения писать собственный учебник политэкономии, поскольку «трудно конкурировать с Богдановым», а также приветствовал и вскоре вышедшую первую философскую книгу Богданова «Основные элементы исторического взгляда на природу».

Но впоследствии именно философия дала повод объявить Богданова «ревизионистом». Сам Богданов не считал себя таковым, рассматривая свой философский поиск как продолжение «исторического монизма» политэкономии Маркса с двумя основными дополнениями: 1) эпистемологическое замещение гегелевской диалектики универсальными «законами причинной связи явлений» (энергетика, подбор (отбор) и «подвижное равновесие» со средой) и 2) углубленное выяснение «социально-трудовых» основ «идеологии» и ее обратного влияния на хозяйство.

«Идеологию» Богданов понимал расширительно — от языка до теоретического естествознания — и черпал материал для своих обобщений о генезисе идеологических форм — как организующих приспособлений людей в процессе их совместного присвоения энергии окружающей среды — прежде всего из работ германского филолога и философа Л. Нуаре (1827—1897) и австрийского

физика и психолога Э. Маха (1838—1916). Ленин, тенденциозно истолковав философию Маха как «поповщину», заклеил Богданова как «махиста» и «субъективного идеалиста».

Парадоксально, что И. Степанов-Скворцов, соратник А. Богданова по рабочим кружкам и соавтор по «Курсу политической экономии», всегда оставался верным ленинцем — настолько, что помог изданию направленного против Богданова памфлета «Материализм и эмпириокритицизм», а позже едва не стал масоном по поручению вождя (Старцев 2003, с. 202—204). В 1917 г. А. Богданов выступил с критическим анализом «военно-коммунистической» стратегии и тактики ленинизма, в то время как И. Скворцов-Степанов принял деятельное участие в Октябрьском перевороте и занял пост наркома финансов в первом советском правительстве. Однако и в годы политического отдаления (1908 — 10 и 1917 — 19) шла совместная работа над «Курсом политической экономии», в которой И. Степанов взял на себя преимущественно *историко-экономическую* проблематику, а А. Богданов — общую методологию — (Богданов, Степанов 1910, с. XII), резюмировав ее так: 1) проведение принципа жизненного приспособления («социальная энергетика») и 2) перевод на *исторический* язык «схоластики 1-й главы «Капитала» (Богданов 1995, с. 168).

Политэкономия К. Маркса в целом Богданов считал последовательно проведенной *структурной точкой зрения*, которую надлежит дополнить *социально-генетическим* методом: идеологические формы (от речи до естествознания), будучи «генетически вторичными», т.е. производными от социального бытия, оказывают активное обратное воздействие на экономику как *организующие приспособления*. Уже в первом издании «Краткого курса экономической науки» Богданов акцентировал влияние христианской догматики (монастырские уставы, учение о «справедливой цене») на европейскую экономику и возможность только при определенном уровне развития естествознания перейти от мануфактурной стадии к машинному капитализму. Помимо теории Л. Нуаре (вполне вписывавшейся в трудовую концепцию антропогенеза Ф.Энгельса) для «социально-генетического метода» А. Богданова большое значение имело исследование К. Бюхера «Работа и ритм» (1896, рус. пер. 1898) о ритме как «связующим начале» труда, музыки и поэзии на

первоначальной стадии их развития. Материалы же трактата Бюхера «Происхождение народного хозяйства», также как и другие работы экономистов германской исторической школы — от Шмоллера до Зомбарта — были учтены Богдановым и в переработанных изданиях «Краткого курса экономической науки», и при создании «Курса политической экономии».

И. Степанов со своей стороны вполне принял трактовку А. Богдановым связи классового строения обществ с отделением и обособлением организаторских функций от исполнительских, а также единую структурную схему для характеристики исторически сменявших друг друга экономических укладов: отношения общества к природе (или «технические отношения») — производственные и распределительные отношения — общественная психология — идеологии.

Именно учение об «организаторских функциях» различных классов, которое критики «справа» и «слева» считали идущим вразрез историческому материализму², позволило Богданову и Степанову в рамках формационного подхода подойти к нетривиальному решению проблемы разнообразия экономических институтов в пространстве и во времени, оставшейся марксистам от автора «Капитала». Различными соотношениями организаторских — «мирных» и военных — функций с «потребительско-паразитическими» тенденциями в контексте развития меновых отношений Богданов и Степанов объясняли вариативность хозяйственных структур, зигзаги опережающего экономического развития или, напротив, *деградации* народов и регионов.

Быт кочевников-скотоводов препятствовал разграничению между мирными и военными занятиями, но благоприятствовал раннему обособлению торговцев, с переменным успехом орга-

---

2. Струвист А. Рыкачев в рецензии на «Курс политической экономии» утверждал: «Нужно иметь в виду, что уже в своем кратком «курсе» г. А. Богданов допустил очень большие отступления от правоверного марксизма: его учение о функциях воинов, жрецов, патриархов и феодалов, как о функциях общественно-полезных, вообще о роли «организаторских функций», конечно, стоит в противоречии с основными идеями материалистического понимания истории» (Рыкачев 1911, с. 246). Л. Каменев в большевистском журнале «Просвещение» укориженно писал в 1914 г., что в системе Богданова, «в отличие от системы Маркса, идея общности всех людей превалирует над идеей классовой и групповой борьбы» (Каменев 1923, с. 285).

низу движение караванов на протяжении веков, пока торговые путешествия мало отличались от военных походов. В оседло-земледельческих обществах двор военного организатора постепенно разрастался в обширный феодальный производственный организм с целой «армией» специальностей. Жреческое сословие, принимая на себя верховные мирно-организаторские функции, могло упрочивать те идеологические формы, посредством которых охранялась регулярная торговля, и в то же время способно было организовать военную защиту наподобие светских сеньоров. Новый этап в развитии обмена, связанный с бумажными платежными средствами, открыла деятельность военно-жреческого (духовно-рыцарского) ордена тамплиеров, опиравшаяся на превращение монастырей из благотворительных учреждений в «ссудо-лихвенные конторы» (Богданов, Степанов 1920, с. 84).

Если в 1-м издании «Краткого курса экономической науки» А. Богданов следовал формационной схеме К. Маркса — Ф. Энгельса, восходящей к *сен-симонизму* (первобытный «родовой коммунизм»; рабство; феодализм и цехи; капитализм), то в последующих изданиях, также как и в «Курсе политической экономии», периодизация экономических укладов стала значительно сложнее ввиду следующих отличий от первоначальной:

— соединение критериев развития производительных сил, или «социально-технических условий», и классовой структуры общества с критерием развития «меновых отношений»;

— отказ от схемы (привычной и для марксистов, и для последователей исторической школы в политэкономии), согласно которой «крепостное право» («феодализм») является переходным состоянием между «системой рабства» и «частнокапиталистическим производством» (оно же состояние «личной свободы рабочих классов») (например: Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; Ингрэм 1896, с. 133; Исаев 1896, с. 132);

— характеристика «феодализма» как хронологически размытой «авторитарной» и укорененной в натуральном хозяйстве формации, которая под воздействием роста меновых отношений может эволюционировать (не повсеместно!) к двум вариантам высших ступеней эксплуатации (Богданов 1920, с. 70, 93):

«законченному типу рабовладельческой системы» там, где была возможна длительная военная эксплуатация отсталых племен с захватом недвижимой (территория) и движимой (включая рабов) добычи;

«системе крепостных отношений» там, где рядом с деревенским миром не смог окрепнуть иной, ремесленно-городской строй, и крепостное право придавило крестьянскую общину.

К наиболее жестоким формам эксплуатации³ вело господское стремление к богатству в денежной форме, снимавшей потребительские ограничения. Расчет на максимизацию *денежного* дохода вел к интенсификации подневольного труда для *товарного прибавочного продукта* — будь то рабство в античных латифундиях и эргастериях или беспощадное выжимание рабочей силы крепостных крестьян на барщине в Восточной Европе.

И. Степанов особо указал на стирание грани между этими двумя формами эксплуатации в колониальном хозяйстве народов Запада с наступлением эпохи *торгового капитала*. Венецианские и генуэзские купцы, захватив левантийские территории, быстро оставили позади византийцев и арабов как эксплуататоры местного населения, закрепостив его не только в деревнях, где возделывались виноград, цитрусовые, хлопчатник, сахарный тростник, тутовое дерево, но и в промышленных центрах, производивших текстиль, посуду и другие изделия (Богданов, Степанов 1920, с. 58).

Таким образом, итальянский Левант XIV—XV вв. стал «матрицей» плантационного рабства, насажденного в XVI—XIX вв. атлантическими нациями на островах Вест-Индии, в Северной Америке и в Бразилии, на Цейлоне, на островах Индонезии и т. д. , и

---

3. Специалист по социально-экономической истории древнего мира, И.М. Дьяконов, обосновавший новую периодизацию всемирной истории, аргументировал нецелесообразность выделения отдельной рабовладельческой стадии тем, что «эксплуатация рабов была наиболее полной, а следовательно, наиболее желанной формой для господствующего класса любой фазы исторического процесса» (Дьяконов 1994, с. 31). Масштабы торговли рабами на «феодальном» мусульманском Востоке и на «капиталистическом» христианском Западе сопоставимы с антично-средиземноморской «рабовладельческой» эпохой (Фурсов 1999, с. 47). Организационным нововведением ислама было заполнение рабами военно-административной верхушки — систематическое использование их в армии и на высоких чиновных должностях; последний (до 1517) из арабских халифатов — мамлюкский — возник в 1250 г. в результате свержения рабами-гвардейцами каирской династии Айюбидов, основанной легендарным победителем крестоносцев Салах-ад-Дином.

прообразом крепостных мануфактур в помещичьей России XVIII—XIX вв.

Принципиальный вывод об отсутствии в экономической эволюции (Богданов, Степанов 1910, с. 109) был углублен при анализе генезиса капитализма.

И. Степанов развил замечание Маркса (впервые опубликованное в 1907 г.) о выработанности экономических отношений наемного труда и применения машин раньше в армиях, чем «внутри буржуазного общества» (Богданов, Степанов 1910, с. 108). Но еще до появления наемных армий чешские повстанцы-табориты впервые построили военное дело на мануфактурном разделении труда между различными видами оружия. Но этот прием был в буквальном смысле слова взят на вооружение сюзеренами, начавшими замену рыцарской конницы постоянными национальными войсками и наемными полками рейтаров и ландскнехтов. И на востоке Европы организованные армии нового типа стали мощной компактной силой, позволившей помещикам подчинить себе разрозненное крестьянство и загнать его во «второе крепостное право» в то время, когда на северо-западе Европы набирал силу торговый, а затем и промышленный капитализм.

Это не единственный всемирно-исторический пример заимствования господствующими классами организационных приемов, рожденных протестом социальных низов. Современники Богданова и Степанова, братья Макс и Альфред Веберы писали в издаваемом «новой» исторической школой «Архиве социальной науки и социальной политики», что к началу XX в. германские работодатели показали себя «способными учениками» рабочих в том, что касается «классовой солидарности», и преуспели в борьбе с рабочим движением через синдикаты и насаждение «желтых» профсоюзов (цит. по: Рыкачев 1913, с. 38).

Связь «второго издания крепостничества» с развитием международного рынка показана в работах Ф. Броделя и И. Валлерстайна (Бродель 1993, с. 97; Валлерстайн 1996, с. 38). Эти авторы, также как до них Ф. Энгельс⁴ и советские историки, акцентировали

4. О новом, более жестоком нажиме на крестьян с конца XVI в. писал Энгельс в приложении «Маркса» к своей работе «Развитие социализма от утопии к науке» (1882); формулировку «второе крепостное право» он дал в письме Марксу в декабре 1882 г. (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 340; т. 35, с. 105).

ужесточение барщины ради получения товарного зерна. Авторы «Курса политической экономии» обратили внимание и на то, что при вторичном закреплении гораздо тягостнее стала дорожная повинность, поскольку резко возросли перевозки громоздких грузов (Богданов, Степанов 1920, с. 159).

Наконец, Богданов и Степанов приблизились к пониманию феномена, который современные компаративисты считают причиной присущего только западноевропейской цивилизации типа социальных изменений, предопределившего возникновение капитализма: создание новых центров и конструирование институтов в конкуренции между *первичными* и *вторичными элитами*.

Вторичные элиты капиталистической цивилизации

Российская общественная мысль XIX — начала XX в. не знала категории «элита», но и без самого термина Богданов в своей подытожившей трактат «Эмпириомонизм» (т. 3, 1906) теории классов фактически предложил разновидность социологической теории элит; а в нескольких местах «Курса политической экономии» содержится материал, проливающий свет на источник саморазвития капиталистической цивилизации — уникальную комбинацию элит первичных и *вторичных* — властных центров и сословной периферии.

И в «Эмпириомонизме», и в «Курсе политической экономии» подчеркнута характерная для господствующих классов тенденция: от оформления на основе реальных организаторских функций до потребительско-паразитического вырождения. Высшие слои азиатской бюрократии, заботясь о своем потомстве, создавали для него массу новых общественно бесполезных должностей; римские рабовладельцы передавали контроль над производством надсмотрщикам и управляющим из числа своих рабов; организаторские функции европейских сеньоров либо отходили к национальным государствам (военная защита), либо превращались в предлог для поборов (суд); на пиренейском юго-западе Европы ставшие излишними рыцари превратились в конкистадоров и работоторговцев, а на

ост-эльбском востоке родовитая знать вышла из «специфически сословной нужды», обусловленной «революцией цен», посредством превращения в алчных помещиков-потребителей.

Во Франции «дворянство шпаги», сохранив за собой оружие скорее как принадлежность костюма и эмблему изжитых отношений, со времен короля-бонвивана Франциска I поступило в «школу» придворной жизни, подражая монарху в изысканной роскоши (Богданов, Степанов 1910, с. 287—288).

{Ср.: «Франциск I в немалой степени ответствен за ложное направление, которое он сообщил французскому национальному честолюбию. Его планы были устремлены на Италию, он жаждал получить итальянские владения. Новый мир открывался; моряки Руана и Дьеппа соперничали с португальцами на африканском берегу и испанцами в Америке, но Франциск не заботился об этом. Он поощрял и оживлял умиравшую левантийскую торговлю южных портов и в продолжение его царствования Лион сделался центром обширной торговли предметами роскоши. Громадные дворцы, превосходившие дворцы Венеции и Флоренции, были построены в Париже и по всей стране или королем, или дворянством, которое подражало ему. Франция начинает быть руководительницей мод и вкуса, и это первенство осталось за ней навсегда» (Кеннингем 1903, с. 196)}.

Но в некоторых случаях в странах Западной Европы, начиная с городов Италии и Ганзы, феодальные элементы {«первичная элита»} были подчинены и привлечены как наемные военные организаторы усилившейся верхушкой «третьего сословия» {«вторичная элита»}, так что шпага сеньора стала направляться рукою купца (Богданов, Степанов 1920, с. 13, 16). В Нидерландах, ставших экономическим центром Европы на стадии *торгового капитализма*, купечество придало деловому предприятию определенность и ясность арифметической задачи с извлечением дивидендов не только из расстояний, но и из крови. Первая крупная акционерная компания — голландская Ост-Индская — нанимала у немецких князей своих матросов и солдат для порабощения туземцев. Со своей стороны, властные центры — монархии — в противодействие сословной периферии прибегали к «*протекционизму на выворот*», покровительствуя иностранным купцам и ремесленникам для заведения новых производств.

Для капиталистов-предпринимателей в целом Богданов

считал характерной ту же траекторию развития, что и для прежних высших классов: после торжества крупного машинного производства — постепенное вырождение в потребительско-паразитическом направлении (рантье́рство). Но предпринимательская буржуазия стимулирует рост инициативного и технически грамотного слоя *наемных специалистов* — управляющих и инженеров.

Описывая новую организационную форму промышленного капитализма — синдикаты — Богданов отметил, что эта форма ускоряет технический прогресс, поскольку синдикаты привлекают на службу массу квалифицированных специалистов и для подготовки таких специалистов устраивают учебные учреждения (Богданов 1906, с. 274). Таким образом, численно возрастает новая промежуточная социальная группа обладателей специализированных знаний, которую Богданов чуть позже обозначил как *«техническую интеллигенцию»*.

Введение Богдановым в марксистскую политэкономия и социологию (и в обиходный русский язык) категории *«техническая интеллигенция»* происходило примерно в то же время, когда стали возникать концепции, получившие название «технократических». 2-й том своего главного труда «Всеобщая организационная наука: Тектология», законченный в конце 1916 г. и опубликованный в 1917 г., Богданов завершил разделом «Современные идеалы», где так охарактеризовал идеал технической интеллигенции: «Планомерная организация производства и распределения под руководством ученых-экономистов, инженеров, врачей, юристов, вообще — самой этой интеллигенции; при этом она создает привилегированные условия для себя, но также условия, жизненно удовлетворительные для рабочего класса, тем самым устраняются основания для классовой борьбы и получается гармония интересов» (Богданов 1917, с. 149).

Это и есть тот «третий путь» между «плутократией капитализма и диктатурой пролетариата» (Veblen 1919, p. 93), на который рассчитывали в США основоположник научного менеджмента Г. Гантт (1860—1919) и основоположник институционализма Т. Веблен, а в Западной Европе, например, партия французских радикал-социалистов и германский промышленный магнат и дипломат, автор книг «Новое государство» и «Новое хозяйство» В. Ратенау (1867—1922).

Но для А. Богданова превращение технической интелли-

генции в господствующий класс было не идеалом (как предвзято утверждал, в частности, Э. Ильенков⁵), а вызовом «исторической миссии рабочего класса» и одной из альтернативных моделей *индустриального общества*, реализуемых в зависимости от того, какие из организованных групп интересов наиболее преуспеют в проведении своих идеалов (Богданов 1917, с. 140—153; то же — Богданов 2003, с. 234—241).

Империализм — последняя стадия капитализма?

Понятия *карьерера* (*carriera* — «бег, жизненный путь, поприще») и *фирма* (*firma* — «подтверждающая подпись») не случайно родом из Италии — региона, где вторичные элиты феодально-сословного общества ранее всего сформировали социальное пространство для *капиталистической цивилизации*, или «цивилизации среднего класса» (А.Дж. Тойнби). Две ее отличительные черты — превращение денежной единицы в инструмент *рациональной* калькуляции прибыли и издержек (фирма) и индивидуальное достижение достатка и престижа (карьерера) через торговлю, банковское дело и, наконец, промышленное предпринимательство (Шумпетер 1995, с. 173—175).

К началу XX в. всемирный размах капитализма создал значительные «новые средние классы», оценка роли которых в социальной структуре была разноречивой — от предвестников грядущей «технократии» (Т. Веблен) до «голосующего стада финансового капитала» (Р. Гильфердинг). Именно эти слои имел в виду А. Богданов, когда говорил о «технической» (шире — «наемно-организаторской») интеллигенции.

Годы, разделившие выход 2 томов «Курса политической экономии» были периодом, когда вполне определилась, достигла расцвета и развернула свою невиданную форму кризиса — мировую войну — «новая фаза капитализма — господство финансового ка-

---

5. О несостоятельности ильенковской интерпретации см.: Гловели 1991, с. 56—57.

питала» (Богданов 1920, с. VII). Знаменитый трактат ведущего теоретика-экономиста германской и австрийской социал-демократии Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910), признанный наивысшим достижением марксистской политэкономии после Маркса, трактовал «новый» империализм как политику финансового капитала, открывавшую перед «новыми средними классами» — служащими всякого рода — «заманчивые перспективы карьеры и повышения оклада» (Гильфердинг 1959, с. 452).

И. Степанов, переведший трактат Гильфердинга на русский язык, предложил и первую российскую марксистскую версию империализма (1913), углубленную затем молодым теоретиком-большевиком Н. Бухариным в книге «Мировое хозяйство и империализм» (1915) и подытоженную в книге В.Ульянова-Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» (1917).

До сих пор сохраняется восприятие трактата Ленина, канонизированного после Октябрьского переворота и создания III Интернационала мировым коммунистическим движением, как «окончательной версии марксистской теории империализма» (Блауг 2005, с. 81). Более широкий подход включает традицию, идущую от Р. Люксембург и Ф. Штернберга, а также новую леворадикальную политэкономия А.Г. Франка, С. Амина, А. Эмманюэля (Mandel 1983, p. 212—213). Совершенно забыты, однако, не только очерк

И. Степанова, но и первый советский учебный курс «Империализм» (1918) и другие труды на эту тему М. Павловича (Вельтмана). Между тем в этих работах содержится материал для более гибких, хотя и вполне марксистских, трактовок империализма, чем в популярной и агитационно отточенной брошюре Ленина.

Такова, например, критика прямолинейного подхода «колонии — источник обогащения метрополии». М. Павлович его опровергает на примере Франции, чьи отдаленные колонии вроде Индокитая и Мадагаскара не имели значения ни как источники сырья, ни как рынки сбыта и лишь поглощали деньги, которые могли бы быть с гораздо большей пользой вложены в устройство портов и внутренних каналов.

Упущенному В.Ульяновым-Лениным инфраструктурному аспекту империализма (Блауг 1995, с. 241) уделит внимание еще И. Степанов, подчеркнувший, что всякую вновь захваченную

страну капитал прежде всего опутывает, как щупальцами, железнодорожными линиями, которые должны или ускорить разложение ее предкапиталистического, натурально-хозяйственного строя (дороги коммерческого назначения), или закрепить ее подчинение и «замирение» (дороги стратегического назначения). М. Павлович же вообще усматривал причины мировой войны в «рельсовой политике» западных держав, столкнувшихся в глобальной борьбе за инфраструктуру; причем обострение борьбы за мировые транспортные магистрали индустриального типа и гонка вооружений стали следствием *структурных* изменений в промышленности к началу XX в. — перемещения центра тяжести в металлургическую индустрию, более других отраслей приспособленную к картелированию и синдицированию, и более других заинтересованную в военных заказах.

Технический прогресс в металлургии — во многом функция прогресса военного дела (борьба между непробиваемой броней и всепоглощающим снарядом); фритредерская текстильная Англия Манчестера отступила перед империалистической «металлургической олигархией» Бирмингема, которой милитаризм, маринизм и железнодорожная экспансия обеспечивали обширный рынок и гарантированные сверхприбыли.

Однако, указав на связь *структурных сдвигов* со степенью милитаризации индустриально-рыночных экономик, Павлович не поставил вопрос о возможности новых фазовых изменений капитализма вследствие новых структурных сдвигов. Правильно заключив, что если XIX столетие было веком паровой машины и твердого угля, то XX столетие становится веком двигателей внутреннего сгорания и нефти, Павлович прогнозировал сохранение господства металлопромышленности и, следовательно, военно-империалистического характера капитализма, оставив в силе выводы В. Ульянова-Ленина о загнивающей «последней стадии капитализма», «кануне» мировой революции.

К несколько иным выводам пришел А. Богданов, внесший в анализ империализма свой «организационный подход» с особым вниманием к технической интеллигенции как вторичной элите. В работах «Мировые кризисы, мирные и военные» (1916) и «Версальское устройство» (1922) Богданов выдвинул положение о различии типов промышленного капитализма в зависимости от легкости

расширения рынков. Историческими преимуществами в наличии почти неограниченного простора для реализации производимых стоимостей обладали Англия и США; напротив, в странах материковой Европы, особенно в Германии, довольно быстро сказались пределы насыщения рынков, преодолеваемые за счет наращивания национальных вооружений.

Возрастающее стеснение рынков для капитализма Старого Света в сочетании со структурными сдвигами обусловило изменения в цикличности капиталистического промышленного производства, нарушив ее равномерную периодичность (1825—1857). С перемещением центра тяжести от текстильных отраслей к «тяжелым индустриям» удлиняются цепная связь и период скрытого перепроизводства, пока «первичная волна» сокращения достигнет удаленных от потребительского рынка отраслей; но зато сам кризис оказывается более разрушительным (1873—1878, 1900—1903). Новыми ускоряющими моментами капиталистического цикла к началу XX в. стали новый виток прогресса в средствах транспорта и связи и финансовый капитал; развитие потребительского рынка не поспедало за ростом масштабов производства и техники обмена, и новый мировой кризис был неизбежен; однако его упредила мировая военная катастрофа, которую Богданов выводил из той специфической формы, какую на фазе стеснения рынков принимает противоречие между цепной связью отраслей и анархической разрозненностью капиталистического производства на уровне не конкуренции отдельных предприятий, а борьбы с участием национальных государств за доли мирового рынка.

Капиталистическое государство, обладая широкими возможностями для наращивания технически специализированной военной силы в разных ее видах, способно доставлять дополнительный рынок посредством милитаристического спроса, а благодаря цепной связи отраслей — еще больший рынок вообще. Но соперничество организованных единиц, порождая их расширение и усовершенствование, доводит до момента, когда силы конкурентного давления перевешивают силы цепной связи, и наступает перепроизводство. В случае давления мирового рынка на капиталистические государства милитаризм, вызванный стремлением гарантировать все более емкий рынок для национального капитала, при-

вел к перепроизводству организованной военной силы и втягиванию в истребительный процесс, причем вслед за первоначальным резким разрывом интернациональных связей финансового капитала обнаружилась сила милитаристского рынка, с избытком заменившего для национальных капиталов спрос только что потерянных ими рынков. В результате истребительная война затянулась на годы, породив целый ряд специальных приспособлений — в том числе «внедрение в капитализм элементов военного коммунизма», которое стало миражным «прообразом» социалистического строя для революционных «максималистов» типа В. Ульянова-Ленина и М. Лурье-Ларина.

«Скрытое самоубийственное противоречие милитаризма» проявилось в демократизации социального состава армии, способной повернуть свои штыки против господствующих классов, выдвинув разношерстную солдатскую массу как *класс исторического момента* (Богданов, Степанов 1924, с. 264). Благодаря «серой разлагавшейся массе» солдатских низов, большей частью крестьянского происхождения, тяготевших к выходу из войны и «социализму дележа», утвердилась власть партии большевиков в России.

Однако, в отличие от своего соавтора и от В. Ульянова-Ленина, А. Богданов отрицал, что «военно-экономическая формация» создает предпосылки для непосредственного перехода к социализму. Богданов прогнозировал смену господства финансового капитала новой стадией капитализма — *государственным капитализмом* с преодолением «гипертрофии рентьерства» и превращением технической интеллигенции в *эли́ту* национальных индустриально-финансовых комплексов.

Анализируя историческое значение Версальского мира, Богданов отметил, что американский капитализм, имея растущий внутренний рынок массового потребления, не нуждался, в отличие от стесненного в рынках капитализма Старого Света, в суррогате дополнительного рынка вооружений и не развивал настоящего «милитаризма», хотя против военно-захватных методов ничего не имел (Куба, Филиппины).

Но США не только эксплуатировали мировую войну как нельзя успешнее, но и примкнули в итоге к одной из сторон; однако оказались не готовы принять на себя лидерство в преодолении

дезинтеграции мирового хозяйства. Версальско-Вашингтонская система с ее противоречиями законсервировала тенденции к хозяйственной *автаркии* с видами на возможные будущие войны.

Связывая автаркические тенденции в ведущих индустриальных странах Европы с осознанием финансово-промышленными кругами того факта, что капиталистическое государство есть система коллективного страхования капитала, Богданов отмечал стремление в капиталистически передовых странах к сознательной *интенсификации производительных сил* — естественных и человеческих. С одной стороны — изыскания относительно природных богатств, учет их запасов и поиск новых источников минеральных и энергетических ресурсов; с другой стороны — возможно более рациональное использование наличных рабочих сил (тэйлоризм; психотехника), причем не только исполнительских, но также и организаторских. Создание научно-технических объединений государственного масштаба Богданов расценивал как тенденцию к поднятию *коллективно-страхового аспекта* экономики до централизованного регулирования, опирающегося на техническую интеллигенцию. Идеологическим выражением этой новой тенденции Богданов считал взгляды В. Ратенау и Дж.М. Кейнса.

С «организационным подходом» Богданова совпадают такие элементы кейнсианства, как антигрантьерская направленность; описание расширения рынка по цепной (мультиплицирующей) связи; признание потребления масс ограничительным звеном, растяжение которого способно дать существенный импульс приращению производства. Но в центре внимания Богданова не макроэкономика, а социология — роль «наемно-организаторской» интеллигенции, в составе которой с середины 1920-х годов Богданов разграничивал интеллигенцию собственно техническую (инженерно-научную) и интеллигенцию «нормативно-государственную», непосредственная база которой — не производство, а разбухший государственный аппарат с включенным в него милитаристским (Богданов 2000, с. 44 — 46).

От схем Богданова один шаг до формулировки альтернативы в эволюции национально-государственного капитализма: фашизм, с мобилизацией масс идеологией «истинного (национал-)социализма», или социал-демократизм, основанный на сотрудничестве реформистского рабочего движения с капиталом и государством в

«прогрессивном буржуазном жизнестроительстве» (повышение экономической и культурной годности рабочих масс). Сам Богданов, впрочем, не довел свой анализ до такого четкого противопоставления, и не ввел его в тексты своих учебников политэкономии — ввиду развернувшейся в 1920-е годы журнальной кампании по борьбе с «богдановщиной».

Эта кампания наложила отпечаток и на дискуссию об *исторических границах политэкономии* в Комакадемии зимой 1925 г., где даже ссылки на Ф. Энгельса и В. Ульянова-Ленина не помогли И. Степанову-Скворцову переспорить Н. Бухарина и его сторонников, настаивавших, что рамки предмета политэкономии ограничены «неорганизованным товарно-капиталистическим хозяйством».

Исторические границы политэкономии

И. Степанов и А. Богданов рассматривали политическую экономию как науку со сравнительно-историческим методом и предметом, развертывающимся «в ту и другую сторону» за пределы развитого капитализма: назад — к докапиталистическим формациям — и вперед — к социализму (Богданов, Степанов 1925, с. 14; Степанов 1925, с. 272). Широкий смысл политэкономии подразумевал анализ не только производственных отношений во времени, но и их связей с технологическими сдвигами, идеологическим развитием, состоянием народного образования и т.д. (Богданов, Степанов 1920, с. 108, 172 и др.).

Этот историзм, соответствующий букве марксизма, был тем не менее отвергнут в тенденциозной полемике, где, например, ученики Н. Бухарина В. Слепков и Д. Марецкий упрекали А.Б. Богданова за универсализацию «частного»(!) момента организационных ролей, за которым якобы упускается «сущность отношений эксплуатации, ясно вскрытых Марксом в анализе специфически капиталистического общества».

Но еще более тенденциозным оказалось «восстановление в правах» марксистского историзма в политэкономии после того, как в 1929 г. были опубликованы замечания на книгу Бухарина

«Экономика переходного периода», сделанные еще в 1920 г. Ульяновым-Лениным. Двух из них оказалось достаточно для того, чтобы бесповоротно отбросить «ограничительную версию» Бухарина.

«Шаг назад против Энгельса» — было помечено рукой «вечно живого» на полях напротив определения Бухарина «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве *товаров*». Напротив утверждения Бухарина «конец капиталистического производства будет концом и политической экономии» — «Неверно. Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение $I v + t$ к $II c?$ и накопление?» (XI Ленинский сборник. 1929, с. 349).

Несколько других замечаний внесли весомый вклад в развенчание обвиненного в «правом уклоне» Бухарина как «недиалектика, богдановца»: Бухарин «по-детски» взял три термина из статьи Богданова «О тенденциях пролетарской культуры» и не подумал, что эти термины Богданова «фундированы... философией идеализма и эклектицизма».

Разумеется, ни в 1929 г., ни позже никто не «увидел», что в замечаниях Ленина не содержалось *ничего* нового и отличного от аргументов, приведенных И. Степановым в докладе «Что такое политическая экономия?» и в предисловии к последнему изданию «Курса политической экономии». «Второй том «Капитала» Маркса раскрывает основные условия реализации при всяком общественном производстве, а не только капиталистическом. Он дает алгебраическую формулу такого распределения средств производства и рабочей силы между отдельными отраслями последнего, которое является необходимым условием его роста и развития. Но при капитализме надлежащие пропорции вынуждались слепой игрой рыночных стихий и достигались ценой громадного расточения производительных сил, а порою и опустошительных кризисов, — с развитием социалистического производства и таких его предпосылок, как строгий учет всех технических и экономических ресурсов и соотношений, эти пропорции будут поддерживаться сознательно» (Богданов, Степанов 1925, с. XVII).

И уж тем более никто не заглянул в статью Богданова «О тенденциях пролетарской культуры» — дабы убедиться, что в заимствованных из нее Бухариным терминах «планомерная организа-

ция», «регулирование» и «нормировка»⁶ ничуть не больше «идеализма и эклектицизма», чем, скажем, в терминах «электрификация» и «хозяйственный расчет».

«Красные профессора» поспешили застолбить, что марксистско-ленинскую политэкономия в широком смысле слова «ни в коем случае нельзя смешивать с политической экономией в понимании Богданова и Степанова». В то время как Н. Вознесенский ставил вопрос о «политической экономии социализма» (Вознесенский 1931), его брат А. Вознесенский в учебнике «Политической экономии для комвузов и вузов» (1932) голословно приписывал Богданову и Степанову «механистическую» и «внеисторическую» трактовку «экономических законов, якобы действующих на всех ступенях развития обществ».

А ведь Степанов не только приводил в развернутой форме тот самый пример, которым ремаркой «*I v + t k II c? и накопление?*» вразумлял Бухарина Ленин, но и прямо подчеркивал задачи изучения законов как общих, так и специфических, действующих в рамках отдельных формаций.

На том же настаивал и Богданов, приводя пример *специфических законов феодальной формации*: авторитарное производственное отношение как основной структурный элемент; соседская кооперация патриархально-семейных крестьянских хозяйств общины; двойная цепь мирных и военных организаторов, в том числе мирно-организаторские функции под духовно-жреческой властью; закон народонаселения с тенденцией к земельной тесноте и вытекающей отсюда неизбежностью военных столкновений (Богданов, Степанов 1924, с. 16).

В динамике капитализма для Богданова и Степанова особую важность представляла его историческая связь с иными формациями, от которых осталось «экономическое своеобразие колос-

---

6. «Регулирование» — упорядочение того, что делается, внесение правильности, согласованности в идущий процесс работы; «нормировка» — регулирование по шаблонам, например, предписание рабочим жестко определенного дневного задания («урока»); «планомерная организация» — «инициативно-творческая сторона процесса», комбинирование данных опыта в «цельную действенную группировку» (Богданов 1919, с. 47—48). Заметим, что эти определения были даны Богдановым в полемике с машинно-техническими крайностями тэйлориста А. Гастева.

сальных масс мелкобуржуазных производителей, в особенности земледельческих» (Богданов, Степанов 1925, с. V). Общей как для «законченных» вариантов докапиталистической эксплуатации (римское имперское рабовладение и «второе крепостное право»), так и для капиталистического накопления авторы «Курса политической экономии» считали тенденцию к падению мелкого крестьянского хозяйства. Несмотря на признание живучести семейных форм производства и фактов возрождения мелкой промышленности как на мануфактурной, так и на машинной стадии капитализма (Богданов и Степанов 1919, с. 26, 104), Богданов и Степанов были по-марксистски убеждены в необратимости итогового вытеснения индивидуального и семейного производства крупными предприятиями с «коллективным рабочим» и «лабораториями изобретений» (там же, с. 15, 35) как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. На иных представлениях о судьбе мелкого хозяйства были основаны исторические концепции русских экономистов-аграрников.